

Наталья АВЕРБУХ

ДОЧЬ ВОЗДУХА

Наталья Авербух

Дочь воздуха

«Издательские решения»

Авербух Н.

Дочь воздуха / Н. Авербух — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500841-1

Услышать в ночи музыку и пойти на магический зов. Поддаться чарам, которые так легко обрубить, но... зачем? Приманить песней понравившуюся девушку... и оказаться связанным со своевольным созданием воздуха. Пойти за своим сердцем — и столкнуться с застарелым проклятием. Случайная встреча, обернувшаяся судьбой... Магия песни, побеждающая даже эльфов. Маги, эльфы, сильфы, русалки, гномы и саламандры. Сумеют ли они договориться между собой?

ISBN 978-5-00-500841-1

© Авербух Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Зов	6
Глава вторая. Наследник мостов	13
Глава третья. Добрый народ	23
Глава четвёртая. Русалки	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дочь воздуха

Наталья Авербух

Дизайнер обложки Денис Вадимович Жердев

© Наталья Авербух, 2019

© Денис Вадимович Жердев, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-0841-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Зов

На постоялом дворе было необычайнолюдно. Зелёное лето уже сменялось золотой осенью, а это означало, что люди, столь вросшие в землю все остальные времена года, бросят свои дома и отправятся в путь. Кто ради наживы, кто – продать на ярмарке урожай и прикупить расписных платков и шалей жёнам, дочерям и невестам, кто – приключений ради, а кто – вслед за своим бродячим сердцем. Мимы, путешествующие бурги и тэны, даже самые из всех тяжёлые на подъём керлы – все сословия высыпали на дорогу, пользуясь последней в году возможностью повидать мир – пока дороги не развезло осенней распутицей. А это означает радость для хозяев постоялых дворов – можно взвинтить цены на комнаты, кровати, лавки в общих залах и даже сеновалы. Но это означает и постоянную тревогу для хозяев постоялых дворов – не хватили ли они лишку, заломив цену? Что, если гости уйдут от них на дворы соперников или вовсе – пока погода позволяет – спать под открытым небом? А уж если гость окажется не из тех, кого можно безнаказанно обсчитать – так и вовсе пиши пропало. Но жить-то надо, и надо запастись средствами на позднюю осень и зиму – время холодов, злых ветров и безлюдных путей.

Переступив порог, я внимательно оглянулась, следуя наставлениям древности. Тело клонила к земле нечеловеческая усталость, но нужно было прежде всего убедиться в безопасности пристанища. Вот семья керлов – продали корову и всё пересчитывают деньги, споря, достаточно ли выручили за свой дорогой товар. Вот бродячий фокусник, возмущается, что сидящий рядом сын тэна назвал его мимом, а не бургом. Ну, и сын тэна рядом с ним – пользуется преимуществом своего сословия, пронёс меч на постоялый двор и теперь посмеивается над бесполезной злостью. Вон бург, одетый так плохо, что сразу видно – богач. Это ещё и не считая пятёрки сынов тэнов, сидящих на лавках недалеко от него. А вон – бродячая танцовщица. Эта не обижается, если её назвать мимми, она будет счастлива и горда таким обращением. Вижу, платить ей сегодня не придётся – ни за обед, ни за комнату. Немолодая керли (из тех, что продали корову), по виду, мать семейства, неодобрительно косится на бесстыдницу, а молодёжь глазееет на неё в восторге. Юношам нравится женщина, девушкам – ярко-красное платье, лёгкое, летящее, при одном взгляде на которое хочется засмеяться. Но вот меня заметила хозяйка двора.

– Эй, мимми! – грубо окликнула она меня. – Нечего стоять на пороге, ветра в дом гулять пускать! Хочешь ночевать – это ко мне, хочешь есть – ко мне, заплатишь, так напиток принесу. А стоять и глазеть у меня не положено.

– А чем тебе не угодили ветра, керли? – удивилась я, но всё же шагнула вперёд, в душный зал, где пахло плохой едой, немытыми человеческими телами и гнилью. – Коли с ними по-доброму, они тебе одно только добро сделают.

Хозяйка постоялого двора презрительно фыркнула, не то обидевшись на обращение, не то выражая отношение к моим словам.

– Чего тебе, мимми? – хмуро спросила она.

– Всего, керли, – улыбнулась я. – И еды, и питья, и ночлега. Рада, что у тебя всё это найдётся.

– Мы не эльфы, – так же хмуро ответила хозяйка, – радостью не рассчитываемся.

– Я тоже, – спокойно ответила я. – Найдётся, чем заплатить, уж не сомневайся.

– Заплатишь вперёд! – потребовала хозяйка, на что я кивнула и поманила её в угол, где стоял колченогий (и только от того не занятый) стол. Там я спустила с плеч котомку, развязала её и достала со дна припрятанный узелок.

– Перец, корица, кардамон, розмарин, кориандр, куркума, гвоздика... – начала перечислять я, и глаза хозяйки зажглись алчностью.

– Не боишься с собой эдакое богатство таскать, керли? – более почтительно, чем раньше, спросила она меня.

– Не боюсь, – улыбнулась я. – За полузелка, думаю, сторгуемся, керли? От всего, что тут есть – половина.

– А... – оторопела от моей щедрости хозяйка. – А... По рукам!

– Прекрасно. Значит, договорились – полузелка, а за это вечернюю и утреннюю трапезы, да получше, и отдельную комнату.

Хозяйка постоянного двора поскучнела и отодвинула узелок.

– Нет, керли, чего нет, того нет. Нет у меня отдельной комнаты, радоваться будешь, если свободную лавку найду!

– Есть, керли, – холодно возразила я. – Чуланчик за дверью, который ты за отдельную плату сдаёшь, да не на ночь, а на стражу, да не одному человеку, а парочке. А в поза-том году так пятерым сдала, помнишь? С ними ещё девчонка была такая молоденькая...

– Откуда? – еле выговорила женщина, явно не ожидавшая такой осведомлённости.

– Ветра нашептали, – беспечно улыбнулась я. – Ну, как, сторгуемся, керли?

– Гори в пламени, ведьма, и подавись моим чуланом, – выругалась хозяйка, и я нахмурилась.

– Учти, керли, в этой комнате я буду спать одна, и ты никого туда не поселишь, пока я не уйду.

– У меня так мало кроватей осталось, – покачала головой хозяйка, – а гости всё пребывают и пребывают... куда мне всех селить?

– Не знаю, – пожала плечами я. – Но вот что я тебе скажу, керли... вернее, покажу.

И я откинула серый плащ, под которым за крученный бело-голубой пояс был заткнут длинный прямой нож. Ничем, в сущности, не примечательный, если бы не рукоять – грубо вырезанная в форме сложившего крылья стрижа. Голова птицы вышла наверх. Этот нож, я знала, многое скажет хозяйке.

– П-прости, тэнни! – с запинкой выговорила она. – Я ж не знала! Ты бы сразу представилась!

– Полузелка тебе, и мне комната, еда и питьё, – ответила я. Страх женщины был мне неприятен.

Вскоре я сидела в общем зале за отдельным столом (роль которого выполняла доска, спешно приколоченная к чурбану) и с благодушным настроением уписывала поданную мне кашу. Пока мы решали дела с хозяйкой постоянного двора, туда вошёл новый гость – невысокий юноша в коричневом плаще и такой же цвета шляпе с голубым пером. Не то отправленный с поручением отцом или старшим братом бург, не то удачливый мим, из тех, кому не придется спать под забором. В отличие от меня, он сперва стремился поесть, а только потом договориться о ночлеге, так что еду нам подали одновременно. Гость потребовал пива, и только тогда хозяйка спохватилась, что не принесла мне напиток.

– Чего я желаю? – переспросила я на угодливый вопрос женщины. – Нет, ни вина, ни пива мне не нужно, и мёд как-нибудь в другой раз. Подай простой воды, керли.

– Вода плохой напиток, тэнни, – скорбно покачала головой хозяйка. – Никогда не знаешь, что за болезнь в ней таится. Послушайся совета, тэнни, возьми пива. Принести тебе кружку?

– Нет-нет, керли, – замахала руками я. – Нет воды, что ж – подай настой на семи травах.

– Каких травах, тэнни? – оторопела женщина.

– Любых, керли, кроме ядовитых. Главное, чтобы их было ровно семь, и в одинаковом соотношении. Сделаешь? А не то так носи мне простую воду. Увидишь, со мной беды не случится.

– Да где ж мне сейчас взять-то их? – взмолилась женщина. – Я ж не маг, не знахарка, откуда мне...

– Воду, – приказала я. – Обычную воду. И побыстрей.

– Но...

– Если мне будет позволено... – вмешался зашедший следом за мной гость. – Моя мать знахарка, и я как раз везу ей травы... могу я угостить прекрасную тэнни?

Я взглянула на юношу с интересом. Человек как человек. Светлые волосы острижены коротко, как носят почти все мужчины, светло-карие глаза, широко расставлены и чуть нависают. Говорят, это означает мечтательность. А вот такие вот полные губы – это к жадности к жизни, а ещё к страстности. Нос забавный, «картошкой», которой питаются только керлы. О таких носах никто ничего умного не говорит, но все считают их обладателей наивными простаками, если не сказать хуже. А подбородок твёрдый, решительный. Вот и разбирайся после этого в людях! Одет человек был в серые штаны и жёлтую тунику, на ногах у него красовались кожаные сапоги – слишком хорошо для сына знахарки, которого мать послала собирать травы.

– И каков будет приговор? – усмехнулся юноша. – Я достоин оказать эту услугу прекрасной тэнни?

Смутившись, я отвела взгляд. Такое разглядывание и в самом деле неприлично для любой женщины, кроме мимми. Но назваться мимми – себе дороже, небось, на всех мужчин бродячей танцовщицы не хватит.

– Я буду рада, если ты сможешь мне, – ответила я. Юноша ничего не сказал, только поклонился и повернулся к хозяйке гостиницы. Странно, почему он не назвал своего сословия, чтобы я знала, как к нему обращаться?

Принесённый напиток благоухал смесью таких запахов, что я мгновенно опьянела и развеселилась. Горьковатая ромашка, медовый аромат донника, пахнувший летним лугом... Яркий солнечный день, синее небо над головой, ветерок, отгоняющий жару и приносящий пьянящие запахи... А за жарким днём приходит спокойный вечер, как лето сменяется осенью. Пряный, тёплый оттенок тимьяна... горьковато-свежий запах Melissa и похожий, но мягче – душицы. А вот лаванда... и кое-что ещё... Добрый юноша наблюдал за мной с жадным интересом. Настой на семи травах – очень хорошо, но неужели обязательно добавлять зёрна колдовской ржи – посеянной при луне, собранной на закате? Я вдохнула ещё раз пьянивший меня запах, которому чары придавали особенно изысканный оттенок. Не стоит пить, не стоит пьянеть, но... Отсалютовав приготовившему предательский напиток юноше, я выпила залпом всю чашку. Пропади всё пропадом, неужели я не могу расслабиться и отдохнуть в этом страшном мире, когда каждый шаг даётся с трудом и ноги едва отрываются от земли? Юноша торжествуя улыбнулся. Я подмигнула ему, чувствуя в голове приятную лёгкость и радуясь этому ощущению. Человек встал и подошёл ко мне.

– Позволено ли мне будет составить компанию прекрасной тэнни? – спросил он, и я впервые обратила внимание, какой красивый у него голос. Изысканный, бархатистый, «вкусный», богатый оттенками и интонациями. Этот голос пьянил не меньше, чем настой на семи травах.

– Позволено, – живо кивнула я. – Эй, хозяйка! Подай-ка нам ещё одну лавку! Благородному юноше не на что сесть! Как мне прикажешь с ним разговаривать – стоя или выворачивая шею?

– Не обязательно лавку, – мягко добавил юноша, и я снова восхитилась его голосом. – Хотя б чурбачок какой-нибудь...

– Но, тэнни, – пролепетала подбежавшая к нам хозяйка постоянного двора. – Как же?.. Ведь он же... Ведь ты же...

– Прошу тебя, керли, – ядовитым тоном отозвалась я. – Неси лавку, чурбан, хоть камень, но я хочу поговорить с этим человеком!

– Да, милая керли, – поддержал меня юноша. – Не откажи нам в такой простой просьбе.

Произнеся эти слова, он со значением взглянул на женщину и она ступала.

– Как знаете оба, – махнула рукой она и ушла выполнять приказание. Вскоре мы сидели за одним столом с добрым юношей и болтали как старые приятели – по крайней мере, так могло показаться со стороны. Я чувствовала себя совершенно пьяной и счастливой, человек – он просил называть его Рейнеке, без сословного обращения, – был очень мил и приветливо улыбался. Он спрашивал, куда я иду – я пожалала плечами, – и откуда – я махнула рукой, указывая направление. Бродячие торговцы живут немногим лучше мимов и почти так же не уважаются. Но я разносила пряности, а это товар такой дорогой, что на год хватало небольшой торбочки, а ведь я раздавала его с невероятной щедростью.

– Иду, куда ветер несёт, – откровенно призналась я. Рейнеке улыбнулся.

– Я живу точно так же, – подбодрил меня он.

– Не-е-ет, – затрясла головой я. – Так же, а не так. Вот скажи, где ты будешь через декаду?

– Откуда я знаю? – засмеялся Рейнеке, и я замерла, всем своим существом впитывая звуки его волшебного голоса.

– Вот! – торжествующе выкрикнула я, когда смех стих.

– А тэнни о себе – знает? – заинтересовался юноша.

– Нет, – погрустнела я. – Не знаю. Раньше всегда знала, а теперь – фьюить!

– Куда ветер подует, да? – подсказал Рейнеке. – Но кто выследит ветер?

– Не-е-ет, ты не понимаешь, сын... хм... да... не понимаешь, Рейнеке.

– Не зови меня сыном тэна, не надо, – неожиданно попросил юноша и я, на миг протрезвев, серьёзно кивнула.

– Хорошо, не буду, – обещала я, тем более, что и не собиралась так его называть.

– Спасибо, – улыбнулся юноша. – Так чего я не понимаю, прекрасная тэнни мне скажет?

– Ты? – удивилась я, снова пьянея от одного только звука голоса (зачем я просила настой на семи травах, неужто не хватило бы трёх?!). – Ах, да. Ветер нельзя выследить, это... хм...

В разгар моих пьяных откровений тот самый ветер, о котором мы только что говорили, ударил в окно, едва не разбил его. Я умолкла, не закончив своей мысли. Невежливо выслеживать ветер. Да и зачем? Можно просто спросить, куда он направляется. А можно и попросить полететь туда, куда ты хочешь. Всё просто. Но этого я собеседнику не сказала.

– Могу я обратиться с просьбой к прекрасной тэнни? – поинтересовался юноша, когда молчание затянулось.

– С просьбой? – удивилась я. – Хм. Обратиться всякий может. Но что у меня теперь можно выпросить?

– О, многое, – улыбнулся Рейнеке. – Но мне ничего не нужно, пусть прекрасная тэнни не беспокоится.

– Не понимаю, – пожаловалась я. – Говори правду, смер... хм... Рейнеке. Чего ты хочешь?

– Я слышал разговор тэнни с хозяйкой, – признался юноша. – Тэнни знает, что ей досталась последняя кровать на постоялом дворе? И лавки все заняты, и даже на сеновале этой ночью никому не попасть.

– Вот оно что, – развеселилась я. – Рейнеке, друг мой, я не затем просила себе свободный чулан, чтобы разделить его с первым встречным. Мой ответ – нет.

– Но, тэнни, – заспорил юноша.

– Моё последнее слово – нет, – отрезала я. – Этот чулан мне и самой нужен.

Рейнеке не стал спорить, проклинать мою жадность или настаивать на милосердии. Он кивнул, будто не ожидал ничего другого, поднялся из-за стола, вернулся к своей лавке, на которой оставил шляпу, плащ, котомку вроде моей и длинный пузатый свёрток. Одевшись, он вскинул на плечи котомку и свёрток, поклонился хозяйке, посмотрел мне в глаза и приподнял шляпу, прощаясь. И вышел за дверь.

Ночь – волшебное время, когда становится невидным всё, что днём застилает людям взор. Когда оживают страхи, мечты и желания, когда небыль становится былью и когда само собой получается любое, даже самое трудное колдовство. Четыре ночных стражи – с зимнего заката по летний рассвет – вот время, когда жизнь из неясности дневной суеты становится однозначной в своих самых важных проявлениях, когда ставятся все вопросы и находятся самые лучше ответы. Самые лучше – да, но, увы, не всегда самые нужные. Земля – кому мать, а кому мачеха, неумолимо тянула меня к себе, и я с болью чувствовала себя тяжелой, неуклюжей, медлительной, запертой в уродливой оболочке, которую я не могу ни изменить, ни отринуть. Постоялый двор казался мне тюрьмой, ловушкой, его воздух был пропитан потом, алчностью, дневной суетой и кислой похлёбкой. Выпрошенный чулан больше походил на гроб, там едва помещалась кровать, потолок висел на расстоянии вытянутой руки, а от привкуса вынужденной страсти меня мутило. Окошко было по обычаю заперто – хорошо, что не заколочено, ведь все люди уверены в опасности ночного воздуха, который будто бы несёт в себе болезни, как и простая вода. С трудом, то и дело ударяясь головой о потолок, я отворила окно. Пахнуло свежестью, прошедшим дождём и осенними листьями. Ворвавшийся ветер растрепал мои волосы, в полумраке кажущиеся белыми, какими они были раньше, а не светло-русыми, как сейчас. Я улыбнулась, и ветер унёс с собой затхлый запах человеческого жилища, оставив мне букет ночных ароматов.

– Лети, – прошептала я одними губами. – Хорошо быть свободным. Лети.

На постоялом дворе многое мне было в новинку. Жёстким казался набитый соломой тюфяк, невозможно тяжёлым – одеяло, а подушку я вовсе приспособила под ноги – под головой она натирала шею. От тесноты подступивших вплотную стен хотелось кричать.

Ветер больше не проникал в комнату, и я снова начала задыхаться. Сбросила душашее меня одеяло, пинком отправила подушку на пол, но это помогло только на короткий миг, а потом... потом я уснула, забылась тяжёлым муторным сном, от которого устала ещё больше, чем за день.

Разбудила меня негромкая музыка, которая, казалось, разносилась над самой моей головой.

– Кого ещё ветер несёт? – удивилась я, садясь на кровати и оглядываясь. Но нет – как я ни напрягала зрение и чутьё, разглядеть мне никого не удалось. В чулане никого, кроме меня, не было. Кроме меня – и музыки. Она словно впорхнула в открытое окно, присела на плечо, оплела меня тысячью нитей, будоражила сердце, волновала кровь, звала... Звала, да так сильно, что меня охватила дрожь. Прежде я думала, что лишь эльфы могут творить такое чудо, когда собирают всех на праздник добрых ветров, отмечающий границу зимы и лета. Но сейчас не время для эльфийских танцев, отступает тепло и всё злее становятся ветры... Нет, это не могут быть эльфы.

Музыка ни о чём не просила, она звучала сама по себе, пробуждая нездешнюю тоску и неясные желания, от которых некуда скрыться и которые нельзя удовлетворить.

Русалки? Они танцуют всё лето, каждую лунную ночь, пока холод не остановит воду и не скуёт её ледяной неподвижностью. И когда они начинают свои пляски, они пением сзывают всех, кто не скрылся от ночного воздуха за затхлыми стенами. И горе тому, кто придёт на их танцы без подарка! Но я слышу перебор струн, а русалки только поют, им не подвластны музыкальные инструменты, и никому они так не рады, как человеку с мандолиной или лютней... на худой конец сгодится и скрипка, а то и тростниковая дудочка. Нет, русалки не могут меня звать – не светит луна, одни лишь звёзды приветливо мигают с вышины, и не женский голос вплетается в зовущую музыку.

Чужая магия сплела вокруг меня кокон, захватила сердце, закружила голову. Я оценивающе взглянула на окошко. Тесное, но и я не из упитанных. Ухватившись за раму, я выскользнула в ночь – искать, где играет позвавшая меня музыка.

В час неурочный, в час колдовства,
В час, когда искры рождаются костра,
Пой, моё небо!
Тёмное небо!
Пой, моё небо, что мне не до сна!
Хей!
Пой, моё небо, что мне не до сна!

Задыхаясь, я пробиралась сквозь лес, ломилась напрямик сквозь ветви, билась о стволы, которые прежде бы с лёгкостью бы обогнула. Спотыкалась, падала и снова вставала. Плащ я забыла на постоялом дворе, и сейчас рвала о колючки своё платье, сбивала ноги, цеплялась за сучки волосами... Скорее. Только бы успеть. Только бы успеть дойти, пока звучит песня!..

Звёзд путеводных горят янтари.
Снова терзаться до поздней зари.
Пойте, созвездья!
Нету возмездья,
Лаской и лестью в омут мани!
Хей!
Лаской и лестью в омут мани!

Путь через лес был чудовищной, невыносимой и бесконечно сладкой мукой. Жизнь можно отдать только за то, чтобы идти, идти и идти, не думая ни о чём, только следуя приказам захватившей сердце музыки. Прекратить это было бы просто. Так просто! Одно движение – и я свободна, но я не пыталась вырваться на волю, а послушно следовала за путеводной нитью – дальше и дальше в лес, в самую чащу, в ловушку и плен – всё равно.

Осени чары цветут на ветру,
Может случиться, что я не умру.
Пой засыпая,
Волчья стая,
Волчья стая на дальнем яру.
Хей!
Волчья стая на дальнем яру.

Я остановилась за деревом, не решаясь выйти и познакомиться певцу на глаза. Мой сегодняшний знакомец, Рейнеке, сидел на сложенном пополам плаще посреди очерченного ножом круга, и перебирал струны похожего одновременно на скрипку и на лютню инструмента. Кажется, их называют гитарами – любимые игрушки тэнов и их детей, одновременно и прихоть и отличительный знак сословия. На гитарах никто больше не играет, даже сыны тэнов предпочитают любимую бургами лютню. Вот кто ты такой, сын знахарки...

Рейнеке снова запел, и я забыла обо всём на свете. Как человеку может быть дана такая сила, такой дар – завораживать голосом, звать музыкой, похищать сердце песней?

И отчего же тоскует душа?

Как незнакомка моя хороша!
Пой и ты тоже,
Ломкое ложе,
Что потревожим, друг другом дыша.
Хей!
Что потревожим, друг другом дыша¹.

Волшебный голос умолк, и гитарный перебор звучал тихо-тихо. Я вышла из-за дерева и шагнула ближе, чтобы только слышать дивные звуки. Шаг, другой... я переступила проведённую волшебником черту, и он поднял глаза. Кивнул так, будто ничего другого и не ожидал увидеть, и знаком, не прерывая игры, предложил мне подойти ближе. Я послушалась и остановилась только в шаге от мага. Ночной воздух, залитый чарами, лесными запахами и желанием, подарил ощущение лёгкости и силы. Я села у ног мага, жадно ловя последние крохи позвавшей меня сюда музыки. Но вот всё смолкло, волшебник бережно отложил гитару и испытующе посмотрел на меня.

– Итак, ты пришла, – после долгого молчания выговорил он. Мне не хотелось говорить, и я только кивнула.

¹ Стихи А. Садовникова.

Глава вторая. Наследник мостов

Ветры злились всё больше и больше, пробираясь под одежду и в дома холодными пальцами. Русалки заснули подо льдом, эльфы попрятались в своих подземных жилищах, и не лучше их были люди, самые бедные из которых селились в едва защищающих от злости природы землянках. По дорогам не ходили даже самые упрямые мимы, и на каждой заставе я вызывала семидежды семь вопросов и столько же подозрений. Иногда для меня находилась работа, иногда – нет, и мне приходилось продавать пряности из всё оскудевающего запаса. До весны, когда я смогу его пополнить, протянуть было не просто, а следовать за злыми, холодными ветрами – радости мало. С непривычки я простудилась, и неделю пролежала в чьём-то доме в бреду. Приютившие меня люди позже рассказывали, будто я плакала, звала маму, просила за что-то прощения и со слезами спрашивала братьев, за что они так суровы ко мне. Однажды ветер ударил в окно с такой силой, что распахнул его, и в комнату, где меня положили, влетел ворох листьев – ко всеобщему удивлению, высушенных и совершенно не промокших, хотя с утра шёл мокрый снег, и к тому времени ничуть не перестал, а даже усилился. Придя в себя от потрясения, я настояла на том, чтобы листья были немедленно заварены в том порядке, который я укажу, и выпила лекарство маленькими глоточками. Жар спал и уже на следующий день я вышла во двор – не слушая никаких возражений – поклониться исцелившим меня ветрам. А уже вечером в мои двери постучался маг из ближайшей Ложи – дом стоял в городе, державшем руку Белого Ордена, а эти люди не любят шутить, когда речь идёт о недозволенной ворожбе. Но меня в доме уже не было – я выбралась через окно, оставив людям почти все свои пряности в благодарность за доброту и проклятие за предательство. Тот, кто выдал меня Ордену, никогда не будет знать покоя – в зависимости от причин, толкнувших его или её сделать донос. Страх – так промучается весь век от страха, подлость – так узнает предательство сам, а коли от усердия, так уж и вовсе завидовать в его жизни будет нечему.

Но жизнь продолжается, и вскоре я горько раскаивалась в своей щедрости: теперь я рада была, если меня пускали греться в дома, а уж о кровати и не мечтала, на что они подшевели с наступлением осени. А ветра всё дули и дули, злые и равнодушные, и ни один не хотел привести меня во владения Серого ордена, где я могла бы работать, ни от кого не скрываясь и не боясь попасться не в меру ретивым магам Белого или Чёрного орденов.

Два раза я была на волосок от поимки, и уйти мне удавалось лишь чудом. Положа руку на сердце – не заметай ветры мои следы, ни за что бы мне не скрыться, маги меня выслеживали, преследуя буквально по пятам, пускали за мной собак, шептали заклинания и привлекали простых людей, кого подкупая, кого запугивая, кого улещивая. У меня закончились проклятия, я металась как заяц, путая следы и всякий раз едва уходя от погони... Весну я встретила оборванной, загнанной и бесконечно усталой. Даже если я виновата, если я провинилась, если нетерпение и себялюбие – зло, неужели можно за это так жестоко наказывать? Да, я забыла своё слово, заигравшись с ветрами, но ведь все сильфы такие, за что же со мной так жестоко?..

Затянулась зима, я бы и вовсе не выжила, но, на счастье, ветра на этот раз рано подобтели и даже отвели меня туда, где я могла пополнить свои запасы пряностей. А после смилюстивились ещё больше, и я смогла, наконец, попасть в место, по котором моё сердце тосковало всё время моих скитаний. Правил там тэн северного моста. Его сводный брат унаследовал южный мост, разбив таким образом доставшееся им от отца владение Два моста, которое само-то составляло пятнадцать гайд, причём на десяти из них сидели керлы, остальные пять возделывая по оброку. Может, для семьи керла гайды и достаточно, но для двух семей тэнов (братья не стали дробить землю, благо, южный был бездетен) пяти гайд едва-едва хва-

тало. Маг на Мостах был серым, и я могла немного расслабиться после всех своих горестей. Но не поэтому я стремилась к северному мосту.

Так уж сложилась судьба, что именно здесь – в единственном месте на земле – находило успокоение моё сердце, и только здесь я могла пробыть хоть три декады, если бы пожелала, и ветры перестали дуть, когда я появилась у двух мостов, и не гнали меня в путь. Но даже это было не главным. Один день в году и тот был бы счастьем – единственным счастьем, которое оставалось в моей безрадостной доле.

Постоялого двора не было ни у северного, ни у южного мостов, и я остановилась в странноприимных покоях ложи Серого ордена, от которой до нужного мне места идти приходилось целую стражу. Счастье, что здесь нет ни белых, ни чёрных магов, а серые только рады приходу подобных мне, и всегда приветчают с улыбкой! На этот раз работы мне почти не досталось: в ложе не обучали неопитов, и за ними не было нужды прибираться. Почистить же мусор, за зиму налипший на магов, не составило никакого труда. Жалкие крохи, но я уже знала: мой удел – крохоборство и терпение, бесконечное терпение, даже если жить будет невыносимо. И так до тех пор, пока я не выполню обещания, данного почти год назад, когда танцевала на празднике добрых ветров.

Но что толку напрасно вздыхать? Я покинула Ложу ещё до конца четвёртой ночной стражи и к середине первой дневной пришла туда, куда звало меня моё сердце – на широкий луг, у края которого росла чернотвольная липа. На ветвях дерева была натянута сильфова арфа, запевшая при моём появлении. Ласковый ветерок играл моими волосами, пахло свежестью, весной, пробуждением жизни...

– Мама... – прошептала я, сквозь слёзы улыбаясь дереву и арфе. – Мама, я так скучала, мне было так плохо...

Музыка прервалась, ветерок подул сильнее, и в этом дуновении мне почудилась ласка, поцелуй и материнское объятие. Я села на траву под липой и заплакала. Вновь заиграла арфа – утешая, уговаривая подождать, ведь ветры дуют каждый год, возвращаясь туда, откуда прилетели и улетаю в неведомые дали, каждый день новые и бесконечно старые.

– Мама... – вновь и вновь повторяла я. – Мама, мама, мамочка!..

Пахнувший мне в лицо ветерок принёс влагу, и я поняла: мама тоже плачет, а, может, и не она одна.

– Родные мои, не надо, – взмолилась я. – Не надрывайте сердца ни себе, ни мне. Я вернусь к вам, скоро вернусь, а пока...

Пока звучала сильфова арфа – несколько струн, натянутых между ветвями липы, – звучала нежно и ласково, отрицая разлуку и горе. Где бы я ни оказалась, куда бы ни привели меня ветра, и всегда буду помнить эту музыку, самую прекрасную музыку на свете. Звуки родного дома.

Человек подошёл к полудню, когда солнце уже грело вовсю, отогнав последние остатки ночного холода. Ветерок принёс мне весть о его приближении и, если бы не арфа, я ушла бы с луга как можно скорее, не желая вновь встречаться со своим осенним знакомцем. Говорят, если мужчина и женщина случайно встречаются, расставшись пред тем без прощания, это знак судьбы, ну а уж коли в третий – то предопределённость. Но я не нуждалась в подсказках.

– Ба! – раздался знакомый красивый голос. – Керли, тебе мама не говорила, что сидеть на земле опасно? Не боишься простудиться?

– В прошлую нашу встречу ты звал меня тэнни, наследник мостов, – ответила я, не обращившись. – Но тогда ты скрывал своё имя.

– А-а, прекрасная тэнни с постоянного двора! – засмеялся юноша и, опровергая свои слова, уселся рядом со мной. – Ну, не суди строго, в таком деле и мимми будешь как тэнни звать, лишь бы не прогнала. А как ты узнала, кто я такой?

– О тебе вся округа толкует, Рейнеке-маг, – засмеялась я в ответ, при звуках волшебного голоса забывшая свою досаду. – Ты ведь назвал мне своё настоящее имя.

– Никакой почтительности, – посетовал наследник северного моста. – Тебя не смущает ни имя моего отца, ни моё ремесло. Тебе ведь сказали, что я принят в Чёрный орден?

– Сказали, – помедлив, признала я. – Да я и сама знаю, видела ж на тебе знак вашего ордена. Но что мне с того?

– И не боишься? – хмыкнул волшебник.

– Нет, – спокойно ответила я. – Чего мне бояться?

– Что ж ты сбегала тогда? – недоверчиво спросил Рейнеке.

– Ветер переменился, – честно призналась я. Как и следовало ожидать, человек принял мои слова за иносказание.

– Скажи мне своё имя. – предложил он, меняя тему разговора. – Не могу я звать тэнни бродячую женщину, а керли для тебя слишком низко.

– По мне – так хоть мимми, – пожалала плечами я. – Но коли желаешь – зови меня Ликой, на это имя я отзываюсь.

– Странно ты разговариваешь, – отметил наследник тэна. – Чудно. Каким ветром тебя сюда занесло?

– Попутным, – улыбнулась я. – Ежели не прогоните, так поживу здесь немного, а нет – дальше пойду.

– Прогнать такую красавицу! – шутливо возмутился юноша. – Не бойся, пока я здесь, ты можешь оставаться у нас сколько захочешь. Где ты поселилась?

Я указала направление.

– У серых? – поразился волшебник. – И ты шла сюда целую стражу, одна, пешком?

– Я всегда хожу одна и пешком, – резковато ответила я, и магу осталось только пожимать плечами.

– И что привело тебя сюда? – спросил он. – Только не говори, будто пришла за ветром!

– Не скажу, – пообещала я: ветер всю дорогу ветер толкал меня в спину.

– А что же? – не отставал Рейнеке. – Или пришла проведать старого знакомца?

Вместо ответа я кивнула на арфу.

– Вот. Сильфова арфа. Я хотела послушать.

– И всё? – уточнил юноша, но я нахмурилась. – Достойная причина, врать не буду. Я помню, ты любишь музыку, хоть на край света за ней пойдёшь.

Говоря это, маг пристально вглядывался в моё лицо. Что он хотел там увидеть – стыд, страх, восхищение? Я не знала, и спокойно выдержала этот взгляд.

– Да, – признала я. – Дороже музыки ничего нет. Но эта арфа особенная.

– Это же просто ветер, шевелящий струны, – поморщился человек.

– Да, – не стала спорить я. – Просто ветер.

– А, ты тоже слышала эту басню, будто на таких арфах играют сильфы? – понял волшебник. – Ну, так это вздор! Во-первых, ни одного сильфа ещё никто не видел. Я так думаю, это выдумка эльфов, добрый народец вечно рассказывает байки.

– А во-вторых? – спросила я, изо всех сил стараясь не засмеяться.

– Ну, а во-вторых, если бы они и были, эти сильфы, зачем бы они слетались к нескольким натянутым на дереве струнам? Неужто нельзя найти другого места?

– Не знаю, – рассеянно ответила я, угадывая в воздухе движение. Еле слышным смехом зазвенели колокольчики, а затем арфа заиграла с новой силой, и ветер принялся играть моим волосами.

– Ты так говоришь, будто всё остальное ты знаешь, – нахмурился волшебник.

– Нет, – успокоила я его. – Я знаю не всё.

– Любите вы, девушки, загадки, – проворчал мой собеседник. – Ну-ка, скажи мне, Лика, знаешь ли ты, где будешь через декаду?

– Знаю, – засмеялась я. – Здесь. И ещё три декады я буду здесь. Не прогоните? Я уйду за декаду до... хм.

Я осеклась. Вряд ли человеку известен праздник добрых ветров, перед которым я должна была найти эльфов.

– И куда ты пойдёшь? Опять за ветрами? – не отставал волшебник.

– Нет, – покачала головой я. – Ветра тут не помощники. Я пойду искать добрый народец.

– Эльфов? – присвистнул человек. – И что же ты у них забыла?

– Своё слово, – честно ответила я, и человек снова засвистел.

– Неужто руку эльфу отдашь? – поинтересовался он.

– Зачем им моя рука? – удивилась я. – Неужто других дел к доброму народу быть не может? Я задолжала им услугу, и сейчас пойду возвращать.

– Даже так? – поднял брови мой собеседник. – Так это правда, будто эльфы ничего не делают даром?

– Правда, – тяжело вымолвила я. – Они щедро награждают за доброе и жестоко взыскивают за злое. А если просить их о незаслуженном, строго спросят потом.

– И какую услугу ты им задолжала? – продолжал сыпать вопросами волшебник. Я удивлённо нахмурилась: разве у людей принято так жадно выпрашивать? Моё сердце сжало предчувствие беды.

– Возвращение домой, – тем не менее честно ответила я.

– И как, обманули? – деловито уточнил Рейнеке.

– Зачем обманули? Вернули. Только потом так же вернули обратно: не смогла я дома выполнить их желание. Сейчас вот ищу, коли исполню, добрый народец мне поможет.

– Вот оно как, – задумчиво потянул мой собеседник. – И ты, конечно, пойдёшь одна и пешком?

– Разумеется, – удивилась вопросу я. – Как мне ещё прикажешь идти?

– Ты могла бы пойти со мной, – предложил маг, и я поднялась на ноги. Подул сильный ветер.

– Нет, – отрезала я и хотела идти прочь, но человек удержал меня за край платья.

– Не прогоняй меня так легко! Неужели тебе не нужна защита в пути?

– Нет, – снова ответила я. Что-то изменилось в мире, стоило магу высказать своё предложение. Так бывает во сне, когда смотришь на человека и вдруг понимаешь: он именно тот, кто тебе нужен. Но если бы Рейнеке мог об этом знать, он бы не обрадовался. Мне хотелось дать человеку шанс избежать уготованной судьбы.

– Ну, тогда, может, спутник? – предложил волшебник, в шутовском отчаянии прижимая край платья к губам.

– Нет.

– Лика! – угрожающе выговорил маг. – Возьми меня с собой, пока я добром прошу!

– Я ещё не покидаю этих мест, – ответила я, глядя на волшебника сверху вниз. – Спросишь меня через три декады. Но я не так уж легко меняю свои решения.

С этими словами я выдернула подол из рук человека и пошла прочь. К концу этой стражи в ложе Серого ордена как раз будет готова дневная трапеза.

Музыка зазвучала к ночи, и я невольно поразилась упорству волшебника. Зачем? На что я ему сдалась? Он пел под самыми моими окнами, ничуть не смущаясь тем, что творит чёрную

магию в вотчине серых. Серые маги, впрочем, не торопились возмущаться. Или не замечали безобразия, или не желали связываться с наследником здешних земель.

– Второе, – улыбнулся Рейнеке, когда я спросила его об этом, выпрыгнув из окна. И тут же добавил:

– Разве можно так поступать? Ты могла бы разбиться, если бы я не подхватил тебя.

– Разбиться? – не поняла я. – Как это?

– Вдребезги, – мрачно ответил маг. – Не притворяйся ребёнком. Или скажешь, что ты ничего не боишься?

– Почему не боюсь? – удивилась я. – Все чего-нибудь боятся, и я не исключение.

– Чего, например? – полюбопытствовал маг.

– Огня, – призналась я, сделавшись серьёзной. – Стоит оказаться поблизости, как сбегутся саламандры...

Я поёжилась, представляя страшную картину. Огонь питается воздухом, в этом всё дело. Не только воздухом, разумеется, но и им тоже.

– Откуда ты берёшь эти сказки? – удивился волшебник. – Неужто добрый народец наболтал?

– Почему бы и нет? – улыбнулась я.

– Саламандр не существует, – отрезал чёрный маг. – Это не более чем алхимическая аллегория. Сказки для маленьких магов.

– Если в это верят эльфы, – возразила я, – это уже не только сказки для магов. Добрый народ не станет лгать.

Маг раздражённо передёрнул плечами.

– Ты, вижу, часто встречаешься с добрым народцем, – отметил он, пристально меня разглядывая. – Странно для бродячей торговки.

– А наследнику двух мостов не странно таскать с собой по дорогам колдовскую рожь? – парировала я.

– Откуда ты знаешь? – нахмурился волшебник.

– Ветер нашептал, – беспечно ответила я, но Рейнеке это не успокоило.

– Ты странная девушка, Лика, – медленно проговорил он и поднял руку, чтобы коснуться моих волос. – Говоришь как блаженная, а потом вдруг снова разумные речи. Или тебя воспитали эльфы, и от того ты выросла не такой, как все люди?

– Что тебе до этого, Рейнеке-маг? – тихо ответила я. Ночной воздух был тих и прохладен, и невольно верилось, что нет ничего невозможного. Я не потому прыгнула в окно, что ничего не боялась. И не потому, что доверяла магу. Мне просто хотелось снова оказаться в воздухе. Говорят, люди не могут летать даже если сделают себе крылья. Они слишком тяжёлые, воздух их не держит... Вдалеке зазвенели хрустальные колокольчики. Я прислушалась. Сильфы сейчас танцуют в свете молодой луны, и перебрасываются звёздным светом.

– Твоими волосами играет ветер, – вместо ответа произнёс волшебник.

– Да, – только и ответила я.

– Но воздух не двигается, листва не шевелится. Взгляни туда, на башню: флаг повис, не колышется на ветру.

– Да, – ответила я. Маг оказался слишком наблюдателен, но не чувствовал, как вокруг него смыкается судьба. И я, решившись, добавила: – Знаешь, Рейнеке, я тебя обманула.

– Что такое? – немедля посерьёзней волшебник.

– Я уйду отсюда завтра на рассвете.

– Куда? – деловито спросил наследник мостов.

– Куда глаза глядят. Тебе нет до этого дела, маг, нет и не будет, запомни.

Волшебник внезапно схватил меня за плечи и больно встряхнул.

– Ты никуда не пойдёшь, – прошептал он, приблизив своё лицо к моему так, что я могла бы укусить его за нос. – Даже не надейся.

– Я уйду с попутным ветром, – возразила я. – И не думай меня задержать, не то все мельницы в округе встанут, и тебе придётся вертеть их самому!

Сказала – и пожалела: в глазах мага появилось изучающее выражение.

– Так эльфы научили тебя своей магии? – немедля спросил он.

Вместо ответа я расхохоталась.

– Что такое?

– Рейнеке-маг, добрый народ не берёт учеников, а, кого берёт, того навсегда делает своим!

– Это общие слова, – отмахнулся волшебник.

– Нет, это правда! – загорячилась я. – Ты глуп, Рейнеке! Эльфом надо быть, чтобы колдовать как они. Быть светом, смехом, счастьем, горем, плачем и темнотой, быть самой жизнью. Забыть о прошлом и не думать о будущем, никогда ничего не жалеть и не желать. Разве этому можно выучиться?

– Но ты разговаривала с ними, – настойчиво проговорил маг.

– О, много раз!

– Говорят, стоит взглянуть эльфу в глаза, как ты изменишься и уже никогда не будешь таким, как прежде, – вспомнил волшебник и выжидающе посмотрел на меня. Я пожалала плечами.

– Мы всё время меняемся, Рейнеке-маг. Посмотри в мои глаза. Разве ты можешь остаться прежним после этого? А я – могу? Мы всё время меняемся, только эльфы не дают нам об этом забыть, а люди – дают, вот и всё.

Волшебник выпустил меня из рук так же внезапно, как и схватил.

– Ты не сдвинулась с места, а всё же у меня было такое чувство, будто я держу птицу в руках, и она рвётся на волю, – медленно произнёс он.

От этих слов у меня навернулись слёзы на глаза, и я закусила губу, чтобы не заплакать.

– Ты не можешь дать мне свободу, волшебник, даже отпустив.

– А эльфы – могут? – тут же заинтересовался маг. Я тяжело вздохнула. Он сам рвался навстречу своей судьбе. Мне было не спасти его.

– Мне не отделаться от тебя, Рейнеке, как я вижу.

– И не пытайся, – заулыбался наследник двух мостов. – Я от тебя так просто не отстану.

– Я предупредила, – произнесла я, но человека это не остановило.

– Я мог бы попросту объявить тебя беглой служанкой, – заявил он. – Слово мужчины уже вдвое против слова женщины, а я к тому же наследник тэна и чёрный волшебник. Слышала поговорку «чёрному ордену всё дозволено»?

– Здесь ложа серого ордена, – напомнила я, не зная, как отвечать на угрозу. – Что же, Рейнеке-маг, хочешь пойти со мной – я тебя испытаю.

– Испытай, – ухмыльнулся волшебник, сделавшись похожим на мальчишку. – Лика, ты знаешь, что ни один человек не осмеливается говорить со мной подобным тоном?

– Не спорю, – кивнула я. И я бы не осмелилась, будь я человеком. – Так вот тебе моё испытание, человек. Ты спрашивал, от чего мои волосы колышутся на ветру, которого ты не чувствуешь кожей, не видишь глазами. Так повтори мой фокус, Рейнеке-маг, если сможешь. Заставь струны сальвово́й арфы играть, не прикасаясь к ним ни руками, ни магией, ни инструментом. Сможешь – признаю, ты достоин сопровождать меня, не сможешь – не прогневайся, пути наши навек разойдутся. Ну, как, принимаешь мой вызов, наследник мостов?

Волшебник вскинулся, словно я швырнула ему перчатку.

– Я сын тэна и сам стану тэном в свой черёд, керли, – произнёс он таким неприятным тоном, словно желал нанести мне оскорбление. – Я могу приказать – и ты в жизни не увидишь белого света, не почувствуешь ветра и нечему будет играть твоими волосами.

– Так зачем же дело стало? – насмешливо спросила я. Угроза придавала мне сил и смелости спорить хоть со всем миром. Он сам напросился на то, что его ждало впереди. Сам!

– Я принимаю твой вызов, Лика, – выговорил маг, внезапно утратив спесь. – Ещё до рассвета ты услышишь музыку сильфовой арфы.

– Буду ждать, – обещала я, и маг удалился.

Когда он отошёл достаточно далеко, чтобы не слышать, я посвистела ему вслед.

– Долго ты, сын земли, будешь ловить ветер. Ой, как долго... Не стражу и не две, уж можешь мне поверить.

Повернувшись, я направилась в предоставленную мне ложей келью, но у её дверей меня уже ждали. Невысокий – ростом с Рейнеке – маг, закутанный в серую хламиду – официальную одежду волшебника, представляющего свою ложу. Голову мужчины покрывала шляпа с широкими полями, затенявшими лицо.

– Значит, ты решила с ним расстаться? – заговорил волшебник безо всякого вступления. Голос его показался мне смутно знакомым, как будто я слышала его раньше – или очень похожий.

– А тебе что за дело, серый маг? – не замедлила с ответом я. – Или, ночуя в твоей ложе, я обязана тебе ещё и отчётом?

– Это не моя ложа, я здесь такой же гость, как и ты, – возразил волшебник. – И ты ничем не обязана мне, дочь ветров. Теперь ты ответишь?

– Отвечу, – отозвалась я. – Я не всегда решаю, быть мне с кем-то или уйти. Если тебя интересует мальчик, ушедший отсюда с надеждой – я не принадлежу ему, и никогда не принадлежала, поэтому ни к чему говорить о расставании.

– Все вы, дети ветров, с придурью, – проворчал серый маг. – Лика, послушай, ты можешь делать что угодно, но держи свою ворожбу подальше от мальчика. Я не позволю тебе ему навредить.

– Разве ты его отец, чтобы заботиться о нём? Или задолжал жизнь и сердце? – удивилась я.

– Я его брат, – неохотно признался волшебник. – Старший брат, ушедший из дома, как поступают все старшие братья. И здесь гошу по просьбе нашей матери и нашего отца, чтобы присматривать за братишкой, пока он дома.

– А на дорогах за ним кто присматривает? – развеселилась я. – Или у тебя только здесь о нём сердце болит?

– На дорогах его бережёт осторожность, – серьёзно ответил маг, и я фыркнула, вспоминая, как необыкновенно «осторожен» был Рейнеке при нашей первой встрече. – А здесь он отдыхает и развлекается. Иногда – опасно для себя же самого.

– Как со мной, да? – поняла я. – И много тут бродит из наших?

– Ты первая, – чему-то кивнув, ответил заботливый брат. – И дело не в тебе. Человеку с двумя проклятиями на судьбе, есть кого опасаться и кроме разрушителей магии.

– Двумя проклятиями?! – ахнула я. – Как это он умудрился, твой брат? А ещё такой молоденький!

– Первое – материнское, – хмуро сообщил волшебник. – Когда из дома ушёл, последний сын, а ведь двое старших умерли в битвах. Второе – учительское, когда из ложи ушёл, а ведь там его приютили и защищали от бед.

– Перекати-поле, – засмеялась я. – Человек с ветром в сердце. Не знала, по виду не скажешь.

– По нему никогда ничего не скажешь, – раздражённо ответил маг. Он чего-то ждал от меня, и моя весёлость была ему не по вкусу. – Лучше скажи, дочь ветров, можешь ли ты избавить его от проклятий?

– От чужих чар – с трудом. От злого слова – даже не думай, – честно ответила я. – Да и плохая это затея – мага от магии лечить. Я ж могу и промахнуться и не от чужого, а от собственного волшебства его вылечить, а для таких, как вы, это хуже смерти.

– Хуже, – согласился серый маг. – Так, значит, ничего поделаться нельзя? И никто не поможет?

– Или просите наложившего снять или ведите к эльфам. Они могут помочь, но о чём попросят взамен – никто не предскажет.

– Эх! – махнул рукой маг. – Мать ослабила, а полностью снять отказалась. Сказала, не по силам ей это, да и не хочет. Пусть, говорит, хоть проклятие в дом пригоняет. Он же теперь у нас неприкаянный. Только дома или в чёрных ложах может больше одной ночи под крышей провести.

– Вроде нас, – обрадовалась я, но волшебник только посмурнел. Как и все люди, посвящённые в тайну нашего существования, он считал всех встреченных «детей ветра» людьми, тайно выучившимися своему зловещему искусству – и за это отдавшими покой и безмятежность. Такой судьбы для брата серый маг не желал. – Заклинанием можно сдерживать чужое, но оно никуда не денется, и вместе они будут тяготить жертву. Твоя мать плохо сделала, что не отправила сына к доброму народу.

– Чтобы те сделали из него такого же полоумного, как они сами? – вскипел волшебник. – Нет уж, благодарю покорно!

– С эльфами всегда можно договориться, – пожала плечами я. – Иди к себе, сосед и товарищ по гостеприимству ложи. Мой ответ «нет» на оба твоих вопроса. Мне не нужен твой брат, и я не смогу ему помочь. Не жди от меня ни беды, ни помощи для него.

– Как скажешь... мимми, – с отвращением произнёс волшебник и ушёл на мужскую половину, куда женщины не допускались. Я проводила его взглядом и зашла, наконец, в свою келью, не зная, что ещё до исхода ночи нарушу своё слово.

Ветер бесновался вокруг здания ложи. Бился во все окна, пролетал по коридором, стучал незапертыми дверями. Пока не нашёл мою келью и не ворвался туда, сшибая всё на своём пути. Я едва успела одеться, потому что ветер, как верный пёс, рвался на волю, скорее, как можно скорее, куда-то дальше, прочь из тесных каменных стен – туда, где на просторе творилось некое зло. Бежать было тяжело, пускай с неба светили и луна, и звёзды, озаряя мне дорогу (а вернее, не умея укрыться за облаками – ветер безжалостно сорвал их, оставив ночные светила обнажёнными). Но тяжело тянула к себе земля, воздух обжигал, разрывая грудь, и болезненно стучало сердце.

Я всё-таки успела. Ветер покинул меня, когда впереди показалась знакомая липа с натянутыми на ней струнами арфы. Рядом с липой металась, не в силах улететь, три прозрачных пятнышка, которые склонившемуся над землёй магу, наверняка, казались не более чем бликами света. Но я-то узнала своих родных. Узнала – и разъярилась. Чёрному ордену всё дозволено, Рейнеке-маг?

Он поднял голову, когда я подошла на расстояние удара мечом. Моргнул, отвлекаясь от прорезанных в дёрне колдовских знаков и рассыпанных-разлитых поверх колдовских зелий. Осталось – я видела – произнести закрепляющее слово, чтобы пленённые сільфы остались во власти чёрного волшебника. Я нащупала рукоять ножа.

– Отпусти их, – потребовала я прежде, чем маг успел начать разговор.

– О ком ты? – искренне удивился волшебник. Проследил за моим взглядом, но как будто ничего и никого не увидел. – Лирика, не мешай мне. Ты сама поставила условие – а теперь пытаешься нарушить уговор новыми сказками.

– Отпусти, – повторила я дрогнувшим голосом. – Ставь любые условия, распоряжайся мной как хочешь, только прекрати своё колдовство.

– Прекратить? – удивился и даже обиделся маг. – Забавная шутка. Сейчас, когда я вот постигну таинственные силы воздуха, ты требуешь прекратить колдовство!

– Требую, – подтвердила я. – Зачем тебе оно, Рейнеке-маг? Ты занялся им из-за моего безумного условия – ну так вот, я отменяю его. Я твоя. Перестань колдовать, прошу тебя!

С этими словами я упала на колени и протянула к волшебнику руки. Он не видел ножа, который я при этом держала – моё оружие умеет быть невидимым, когда нужно. Рейнеке нахмурился.

– Я должен разобраться. Странно, почему до меня никто не додумался до столь элементарного...

Закончить свою мысль маг не успел, я всё-таки ударила. Не в сердце – став человеком, я поклялась, что смерть магу или его магии принесу только в случае угрозы для моей жизни. Я ударила в левое плечо, перерубая тем самым ток волшебства по жилам человека. Рейнеке ничего не понял, но тэны не напрасно обучают своих сыновей – юноша оттолкнул меня и обнажил длинный кинжал, с которым никогда не расставался – оружие, без которого представители его сословия даже не садятся за стол.

– Ты сошла с ума, – заявил маг, не торопясь нападать на незащищённую девушку. Я в ответ тряхнула рукой и стриж на рукояти издал протяжный свист, будто он в небе гоняется за мухами, а после нож в моей руке удлинился и потяжелел, превращаясь в короткий и узкий меч.

Разумеется, магу ничего не стоило отразить мой удар... будь у меня в руке оружие из холодного железа. Но клинок, скованный из бурь и ветров, легко прошёл сквозь кинжал смертного, не причинив тому вреда и не сломавшись сам. Прошёл – и, извернувшись, ударил мага в правое плечо, отрезая и эту руку от возможности колдовать. Незаконченное заклинание, не успевшее приобрести собственную силу, полыхнуло, сделав сальфов на мгновение видимыми человеческому глазу, а после пропало. Исчезли вырезанные в дёрне колдовские знаки, впитались в землю зелья – и всё это в тот самый миг, когда я нанесла свой удар. Вот теперь Рейнеке проняло. Он со свистом выдохнул и, заноса кинжал, шагнул ко мне. Я отпрянула – драться я не умела, да и не стала бы, сознавая свою вину. Земля, видно, заботится о своих детях не меньше, чем воздух о своих – она кинулась мне под ноги, заставила упасть и больно стукнула по спине. Рейнеке приставил к моему горлу кинжал и посмотрел мне в глаза. Пощады я не ждала – волшебники не могут жить без своего волшебства и с лёгкостью убивают, если что-то встанет на их пути.

– Тебя следует повесить за нападения на наследника тэна в его владениях, – холодно сообщил мне юноша. – А за то, что ты сотворила со мной – сжечь на костре. Что скажешь, Лирика, дочь ветров?

– Убей! – попросила я, не пытаясь даже шевельнуться. – Убей сам, своей рукой, и утоли моей кровью жажду мести. Убей!

– Ты не боишься смерти? – удивился человек и отвёл кинжал от моего горла. Даже тогда я не стала подниматься: по закону человек, напавший на тэна или на его наследника, принадлежал пострадавшему до тех пор, пока тот не определял наказание. Что мне за дело до земных законов? Я не знала и сама, но между тем лежала на земле, терпеливо ожидая решения своей участи. – Ах, да. Я забыл. Ты боишься только огня. И поэтому просишь убить тебя железом?

– Нет, – ответила я, прямо глядя человеку в глаза. – Если ты убьёшь меня своей рукой – это будет справедливо. Отдав меня на муку, ты нарушишь законы мира.

– Сумасшедшая! – воскликнул маг и убрал в ножны кинжал. – Я не буду тебя убивать, и даже не буду преследовать. Иди своей дорогой, коли хочешь. Твои страдания не вернут мне утраченного.

– Ты отпускаешь меня, Рейнеке-маг? – изумилась я, поднимаясь с земли. Нашарила выпавший из моей руки нож – он снова уменьшился в размерах, и теперь тихонько пел – человек не слышал – наслаждаясь долгожданным угощением. Волшебник не знал, что может творить магию голосом, а то и ногами (если сумеет, конечно): я не убила её в нём, только перерезала пути, по которым волшебная сила стекала в руки.

– Отпускаю. Проваливай, – грубо ответил человек, и я склонила голову перед его гневом. – Нет, постой. Пока ты ещё здесь. Я хочу знать.

– Спрашивай, Рейнеке-маг, – улыбнулась я.

– Не называй меня так! – сорвался на крик волшебник. Успеет ли солнце взойти, прежде чем маг окончательно убедит себя в том, что сделался по моей вине неизлечимым калекой?

– Спрашивай, – предложила я. – Или позволь, я угадаю. Ты хочешь спросить, как решается моя загадка?

– Да, – просто ответил маг. – Что я должен был сделать?

– Попросить, – тихо произнесла я.

– И всё?! – не поверил маг. Я молча кивнула. – Но кого мне просить?

– Сильфов, – ещё тише сказала я, чувствуя, что искренняя жажда знаний заслуживает честного ответа – даже если он опасен для меня и моих близких.

– Их же не существует, – пробормотал человек и неуверенно оглянулся на липу. Колдовские сети, поймавшие моих собратьев, сделались видимыми и осязаемыми, и сейчас валялись под деревом.

– Думай как хочешь, Рейнеке-маг, – поклонилась я и повернулась, чтобы идти. – И поступай как знаешь.

Я отошла не более чем на десяток выпадов, когда за моей спиной голос Рейнеке произнёс:

– Духи воздуха, невидимые смертным! Я не вижу вас, и не знаю, видите ли вы меня. Но я слышал вашу музыку, и хотел бы услышать ещё раз. По незнанию я пытался пленить вас – простите. И сыграйте для меня, если будет на то ваша воля.

Это было самое нелепое воззвание к сильфам, которое только можно себе представить. Очень похоже на смертного, который даже в попытках познать стремится сначала подчинить, раздавить, а потом только выяснять истину. Но... почему он так легко простил меня? Так просто смирился со своей утратой? Пожав плечами, я зашагала в сторону ложи серого ордена. Мне следовало исчезнуть оттуда быстрее, чем старший братец пронюхает о моём вероломстве, а бросать вещи всё-таки не хотелось. В этом, наверное, проклятие смертного тела – ему столько всего нужно, что я волей-неволей оказалась привязана к земным предметам. Ещё несколько шагов, и порыв ветра пронёсся мимо меня, ласково взъерошив мне волосы. А после я услышала тихую нежную музыку. Моя мать заиграла на арфе. Рейнеке выполнил поставленное условие.

Небо едва окрасилось алым на востоке, когда маг вышел из ворот замка. Там я ждала его – сильфы тоже умеют держать своё слово. Волшебник кивнул мне, и зашагал по дороге, не сказав мне ни одного слова. Я тоже молчала. В воздухе разносился звон колокольчиков и тихие переборы струн. Мать провожала нас в дорогу.

Глава третья. Добрый народ

- Сын земли, ответь мне, – нарушила я молчание к исходу первой дневной стражи.
- Спрашивай, дочь ветров, – помедлив, отозвался Рейнеке.
- Почему ты не убил меня?
- А толку? – пожал плечами маг. – Разве это вернёт мою силу?
- Когда это людей заботил смысл их мести? – удивилась я.
- Если бы я был мстителен, мне пришлось бы убить слишком многих, – ровным голосом отозвался волшебник. Я подумала, что так беспечен может быть только человек, который ничем в жизни не дорожит и ничего не ценит. Но вслух сказала другое:
- Значит, это правда, что тебя прокляла твоя мать и твой собственный учитель?
- Кто это тебе сказал? Опять ветра нашептали?
- На этот раз нет, – невольно улыбнулась я. – Мне сказал твой старший брат, серый маг. Хотел, чтобы я сняла с тебя проклятия.
- А ты отказалась, – прозорливо отметил волшебник, и я кивнула.
- Сколько братьев у тебя, сын земли?
- Шесть, – ответил волшебник.
- И мать прокляла их всех?
- Нет, – коротко ответил маг.
- Тогда почему тебе повезло больше?
- Меньше, ты хотела сказать? – поправил меня Рейнеке. Я не ответила, и он принялся объяснять. – Мать была гадательницей, и до сих порговаривают, что отца она привороживала, давая ему напиток водой, оставшейся после умывания.
- И тэн женился на простолюдинке? – удивилась я. – И их потомство признали законным?
- Мать не была простолюдинкой, – возразил наследник мостов. – Она прирождённая тэнни.
- Тогда прости меня, наследник мостов, – склонила я голову.
- Не называй меня так! – потребовал Рейнеке. – В пути я такой же странник, как и все.
- Как хочешь, сын земли.
- Странное прозвание, – потянул маг и вернулся к своему рассказу: – После рождения каждого сына мать гадала. Дважды. Первый раз – будут ли у неё ещё дети. Второй раз – удастся ли ей удержать этого дома. Но для меня она ограничилась одним гаданием – первым.
- Ты последний из её сыновей? – поняла я.
- Да. Старший ушёл и поступил в белый орден. Второй ушёл и сделался мимом, натягивает между домами верёвку и ходит по ней, забавляя народ. Третий нанялся охранять какого-то бурга, да и женился на его дочери и вошёл в дело. Этих двоих отец видеть не хочет. Четвёртый и пятый братья, погодки, ушли и не вернулись вовсе. Мать гадала, сказала – погибли в бою. Шестой сделался серым магом, а меня родители растили для себя, не для дороги.
- Но её-то ты и выбрал в конце концов, – закончила я.
- Конечно. Мать грозилась, ругалась, плакала. А потом прокляла и прогнала с глаз долой. Я вышел из ворот замка – ни семьи, ни друзей, один на свете, только гитара за спиной. Решил отыскать старшего брата, спросить совета. Он-то мне и сказал, и велел нигде не ночевать, ни под одной крышей, не звать беду к людям. Я попросился в белый орден, а он сказал, что проклятые им ни к чему. Тогда я пошёл к шестому брату, серому. Он повторил слова брата и тоже прогнал. Сказал, только чёрная магия может вынести проклятого.
- И ты подался в чёрный орден.
- Да, – признал волшебник. – Маг из меня вышел не слишком толковый. Я сколько-то там проучился – за это время в моей келье раз десять протекал новенький, укреплённый

заклинаниями потолок, один раз провалился пол и три раза без причины загорались занавески. Но мне надоело. Не вижу смысла сидеть и помешивать зелья, рассуждать о смыслах, заложенных в старинных заклинаниях и чертить на мраморе древние символы. В конце концов я встал и ушёл. Учитель был против – он, видишь ли, хотел и дальше изучать моё проклятие, но я счёл, что десяти трактатов ему хватит. А он не простил, как оказалось.

– Сам почувствовал или сказал кто? – уточнила я.

– Братья. Встретили меня на перекрёстке трёх дорог и рассказали. Мать прокляла каждую крышу, которая меня закроет от дождя и ненастья. А учитель открыл меня для предательства. Теперь всякий, кто только способен предать, предаст меня. Сам не зная, зачем.

– И ты доверился братьям?! – возмутилась я.

– Родная кровь может предать, но не от проклятия, – пояснил волшебник, не поняв вопроса. – Они привели меня домой и упали к ногам матери. Мы три дня лежали на полу и молили простить.

– Простила? – любопытствовала я. Маг покачал головой.

– Не до конца. Но проклятия снять согласилась.

– И как она это делала? – немедля спросила я.

– Хочешь перенять секреты ремесла? – засмеялся волшебник. – Вряд ли я смогу открыть тебе суть. Она ночью отвела меня в центр луга, велела раздеться донага и лечь на спину, смотреть на небо и ни о чём не думать. Слуги подобрали одежду и убрались, а потом явилась мать – простоволосая, босая, в одной сорочке. Хотела прийти обнажённой, но отец запретил. Виданное ли дело, чтобы тэнни северного моста плясала голой при свете звёзд! Потому, верно, и не снялось полностью ни одно проклятие.

– Но что она всё-таки сделала? – не отставала я.

– Пела, – пожал плечами маг. – Плясала. Играла на маленьком бубне, он у неё в ладони помещался. Я не знаю толком, только вот клевер на лугу весь в пыль осыпался. И ни один цветок там уже несколько лет не цветёт, только трава растёт и жухнет быстро. Вот всё, что я могу поведать. Ты довольна моим рассказом, дочь ветров?

– Нет, – отозвалась я. Ветра не ошиблись, чутьё меня не подвело. Маг был тем самым человеком, за которым меня послали эльфы. – Не довольна. Не стоило твоей матери братья не за своё дело и губить луг.

Маг недоуменно взглянул на меня, но промолчал.

– Я ответил на твои вопросы, дочь ветров, – выговорил волшебник, нарушая воцарившееся молчание. – Теперь мой черёд.

– Спрашивай, сын земли, – согласилась я.

– Почему ты вступилась за сильфов, которых я поймал? Я ведь поймал их, правильно?

– Поймал, – признала я. – А сам ты не понял этого?

– Я не видел ни сетей, ни сильфов. Только чувствовал, что вот-вот в мои руки попадёт нечто, управляющее ветрами.

– Нечто! – грустно усмехнулась я. – Таковы все люди – ради пустых затей подчинять то, чего не понимаешь.

– А как иначе можно познать истину? – удивился сильф.

– Задать вопрос, – ответила я. – Попросить. Неужели ты привык в любом деле действовать силой?

– Нет, – отозвался маг. – Но ты не ответила, дочь ветров.

– Ты спрашиваешь, почему я вступилась, сын земли? – удивилась я. – А ты сам не понял? Ловить сильфов – большой грех, ветра не простят тебе подобного ни в твоей жизни, ни в жизни твоих потомков.

– Грех? – недоуменно переспросил маг.

– Очень плохой поступок, – пояснила я. – Мир тебя за это накажет.

Маг засмеялся, как будто я очень удачно пошутила.

– Значит, дети ветров поклоняются сильфам? – уточнил он, отсмеявшись.

– А вы – нет? – прямо спросила я. – Вы же верите в волшебную силу, разлитую в воздухе, в земле и воде, словом, везде. Которая может принадлежать людям и помогать им сохранять этот мир в равновесии.

– Очень грубое изложение проповедей, – хмыкнул маг. – У нас в ложе тебе пришлось бы писать пересказ на десяти табличках, пока не найдёшь слова более проникновенные, чем выбранные тобой.

– Я не ученица ордена, – возразила я. – Так вот, сильфы – это и есть то волшебство, которому вы поклоняетесь.

– Но мы говорим, что оно невидимо и неосязаемо, – уточнил волшебник.

– А ты разве видел их? Или мог потрогать?

– Нет, – признал маг. – Значит, они живые?

– Уж живее тебя, – проворчала я. – Ты, наверное, хочешь спросить, насколько они разумны? Насколько сознают себя в этом мире?

– Хочу, – не стал спорить маг. – И насколько?

– Намного, – в тон ему ответила я. – Но иначе, чем ты. Иначе видят, иначе слышат, иначе думают. Для них главное – носиться с ветрами над землёй и не знать никаких печалей. Только два раза в году они сходят на землю – весной, когда эльфы танцуют в честь добрых ветров, и осенью, когда умиротворяют злые. Тогда сильфы танцуют вместе с ними, и ветра танцуют вокруг них. Если нарушить это сборище, в том месте родится вихрь, и всё вокруг будет изрядно порушено.

– Вот, значит, как, – потянул волшебник. – Но ты и на этот раз не ответила мне, Лика. Почему ты вступилась? Чтобы я не совершил этого, как ты говоришь, греха? Не поверю.

– Нет, – глухо ответила я. – Чего ты хочешь, сын земли? Мне всё равно, какие грехи ты на себя соберёшь за свою жизнь, ты прав. Я хотела спасти от тебя сильфов, которых ты бездумно пленил. Они дороги моему сердцу.

– И ты не хочешь сказать, почему? – не отставал волшебник. Я покачала головой. Эта тайна не принадлежала мне, и, главное, раскрыв её, я могла принести вред другим «детям ветров». – Ты полна загадок, Лика. Тогда скажи мне, может ли женщина понести от сильфа?

– Земная женщина?! – изумилась вопросу я.

– А какая же ещё? Потому что я уверен, что тебя воспитали сильфы. Возможно, всех вас, детей ветров, воспитывают сильфы, недаром вы так прозываетесь. Глуп я, что раньше не заметил.

– Да, меня воспитали сильфы, – созналась я. – Но земная женщина не может зачать от сильфа, они сотканы из разных материй.

Волшебник отмахнулся от меня, уверенный в своей идее. Я втихомолку смеялась: зачать от сильфа! А от ветра вы не хотите получить потомство? Маг неожиданно приободрился. Не то надеялся вернуть утраченное, не то не так уж ценил свою волшебную силу, не то радовался своим новым идеям. Кто поймёт человека? За разговором мы вышли на перекрёсток пяти дорог, и я остановилась. Сейчас я совершу подлость, но разве доброму народу есть дело до моей чести?

– Здесь, – коротко произнесла я.

– Что – здесь? – не понял Рейнеке. – Встреча с эльфами?

– Нет, отсюда мы можем начать их поиски, – объяснила я. – Закрой глаза, возьми меня за руку и считай вслух, пока я не разрешу остановиться.

– Что за чушь?! – поразился маг.

– Не хочешь, я пойду одна, – ответила я, оставляя человеку последний шанс на спасение. Волшебник сдался.

– Как скажешь, дочь ветров, но горе тебе, если ты затеяла это, чтобы посмеяться надо мной.

– Тогда я вовек не увижу горя, – отозвалась я. Мне было не до смеха.

Мы свернули с дороги и сделали ровно семь шагов, потом три шага, потом один шаг. На двенадцатом раздалось пение флейты и незнакомый голос мелодично произнёс:

– Остановись, смертный, и ты, Л'ииикьякая! Зачем вы сюда пришли?

– Не открывай глаз, – прошептала я на ухо человеку, и тот послушно кивнул.

– Видеть вас, если это будет позволено, – произнёс Рейнеке.

– Вернуть свой долг, – сказала я.

– Услышано, – произнёс эльф. – Сделайте пять шагов туда, куда шли. Оба.

Оба?! Мы так не договаривались!

– Но... – заспорила я, и эльф (так и не соизволивший показаться нам на глаза) властно приказал:

– Оба.

Мы повиновались, и сделали указанные пять шагов, на последнем переступив через границу колдовского круга. Остро запахло травами. У меня закружилась голова, человек пошатнулся и упал на землю. Я присела рядом и, подумав, положила под голову человека свою котомку. Вот ведь... даже потеряв разум падает так, чтобы не разбить гитару.

– Ждите, к рассвету мы скажем обоим свой приговор, – заключил эльф. Я вздохнула. Справедливость доброго народа вошла в поговорки. В первую очередь своей непонятностью для всех остальных...

– Почему эльф назвал тебя Л'ииикьякая? – был первый вопрос смертного, когда он очнулся. На небе густо высыпали звёзды, и вдалеке прекрасными голосами пели эльфы, аккомпанируя себе на арфах и флейтах. Я прислушалась. Добрый народ проставлял весну, пел о свежей траве и новой листве. И о любви, которая творится на этой самой траве под листвой. Хороший признак, эльфы никогда не поют перед действительно суровыми наказаниями.

– Потому что это моё имя, – ответила я, когда молчание слишком уж затянулось.

– Мне ты представилась Ликой.

– Так проще, – пояснила я. – А эльфы слышат моё имя как «Л'ииикьякая», и так и называют.

– А как тебя зовут по-настоящему? – не отставал человек.

– Лика, – хмуро ответила я. – На земном языке нельзя произнести слова, рождённые ветрами. У эльфов более чуткий слух, они слышат так, а для людей и Лика сгодится.

– Ты тоскуешь по сильфам? – спокойно уточнил человек. – Поэтому и завела меня в ловушку? Это ведь и было желанием доброго народа?

– Да, – подтвердила я. – Ты, вернее, твоё проклятие, потравил эльфийское пастбище. На клеверном лугу добрый народ пас пчёл. Они не простили тебе и хотели судить, но ты носишь холодное железо и мог прийти к ним только по доброй воле.

– Ты с самого начала знала? – напряжённо спросил человек.

– Откуда? Эльфов не интересует ни время, ни место, ни имя смертного. «Сын земли осквернил наше пастбище своим проклятием, найди и приведи его к нам» – вот всё, что они соизволили поведать.

– Значит, меня выдал брат, – подумал вслух человек. – А сам, бедняга, думал, что помогает.

– Нет. Я пришла в твои земли не за тобой, я пришла послушать как играет моя... хм. Как играют сиффы на арфе. Но когда ты попросился со мной – я всё поняла. Я давала тебе возможность спастись, помнишь?

– А как ты поняла? – тут же спросил волшебник. Я пожала плечами.

– А как ты узнал меня? Ты посмотрел мне в лицо и понял, что уже видел прежде. Так и я. Посмотрела тебе в лицо и поняла, кого я ищу.

– Почему же не поняла осенью? – не понял маг.

– Осенью ветра злые, – объяснила я. Волшебник раздражённо пожал плечами и принялся проверять, на месте ли оружие. Сохранность кинжала его весьма удивила.

– Твои эльфы не добрый народ, они беспечный народец! – в сердцах воскликнул он. – Неужто им даже в голову не пришло разоружить пленного?

– Они не захотели, они не могли, – ответила я. – У тебя на поясе холодное железо, как добрый народец его отнимет?

– Ха! – откликнулся маг и самодовольно улыбнулся. Не было нужды читать мысли, чтобы понять, о чём он думает.

– Даже не надейся, – поспешила его разуверить я. – Эльфы куют оружие из бронзы и добавляют в металл толчённые камни, придающие их мечам и стрелам прочность алмаза. Ты не успеешь замахнуться.

– И чего они от меня хотят, какой виры? – поинтересовался волшебник.

– Вот уж не знаю. Мне велели только привести.

– И ты так спокойно выполнила этот наказ? – любопытно спросил Рейнеке.

– А как я могла его выполнить? – не поняла я. – Смертный, я ведь предупреждала тебя. И не хотела брать тебя с собой.

– Но ты не сказала, что там ловушка.

– Тогда ты бы не пошёл со мной, – произнесла я.

– Не пойму я тебя, – помотал головой Рейнеке. – Или ты хочешь завести меня в ловушку, или ты не хочешь этого. Зачем предупреждать, но не объяснять, о чём предупреждаешь?

– Так живут люди, – улыбнулась я. – Достигая цели той ценой, которую готовы заплатить. – А эльфы и сиффы совершают поступки, близкие к справедливости. Справедливо наказывать, но несправедливо предать, а если не предать, то и наказывать не получится. Всё очень просто.

– Для эльфа, – подытожил человек. – А зачем было оставлять тебя со мной? Ты ведь выполнила свою задачу. Эльфы не боятся, что я сгоряча убью тебя за предательство?

– Для доброго народа, – пояснила я, – это будет совершенно правильный поступок с твоей стороны. Законный. Они считают, что предатель должен разделить с преданным его участь.

– И ты не побоялась?! – поразился смертный.

– А куда мне было деваться? Я слово дала.

– Сборище сумасшедших, – буркнул человек.

– Мы не люди, только и всего, – возразила я.

– А на рассвете придут эльфы и велят мне сделать что-нибудь столь же безумное взамен уничтоженного клевера, – проворчал Рейнеке.

– Не обязательно, – возразила я. – Могут попросту издали нашить стрелами, и не думать ни о чём. Или уморить в кругу голодом и жаждой.

– И ты так спокойна?! –

– А как же иначе? – не поняла я. – Моя жизнь в твоих руках, а если тебе она не нужна, то в руках эльфов. Это наказание за нетерпение и поспешность, от которого они меня отговаривали прошлой весной.

– Нетерпение, говоришь... – процедил маг. – Лица, ответь откровенно и честно – если я тебя сейчас убью, эльфы очень на меня обидятся?

– Я не знаю, – ответила я, глядя человеку прямо в глаза. – Как я могу говорить за добрый народ? Вот ветры...

– Обидятся, да? – хмыкнул человек и, поднявшись, положил руку на рукоять кинжала.

– Обидятся, – подтвердила я. – Но признают твоё право, смертный. Убей, если хочешь.

– Дура, – неожиданно ответил Рейнеке и сел рядом со мной. – Что эльфы хотят с тобой сделать?

– Не знаю, – устало ответила я. – Или то же, что и с тобой, или ещё как-нибудь накажут. Ты хочешь просить о помощи? Так попроси, зачем столько лишних слов?

– А как ты можешь помочь? – оживился волшебник. – Разрушить чары круга?

Тут я вспомнила, что человек даже не попытался вырваться за проведённые в земле границы. Зря он назвал себя бестолковым магом – чутьё у него развито отменное.

– Нет, эльфы мне никогда не простят, – покачала головой я.

– Да какое тебе дело до этих уродцев? – возмутился волшебник. – Они тебя подставили, а теперь хотят убрать, небось, боятся, вдруг ты про их делишки растреплешь!

– Ты в своём ли уме? – расхохоталась я. – Да весь мир знает о проказах доброго народа, они даже гордятся ими! Но обижать их не годится, только хуже сделаешь.

– Значит, мы умрём, – подытожил волшебник. – Хочешь, я спою тебе напоследок?

– Хочу, – согласилась я. – Но зачем нам с тобой умирать именно сейчас? Ты можешь усыпить добрый народ и вывести нас из заколдованного круга.

– Очень смешная шуточка, дочь ветров, – мрачно ответил Рейнеке и помахал в воздухе руками. – После твоего подарочка я ни на что уже не гожусь.

– Так попроси меня забрать его, сын земли, – предложила я. Сердце испуганно трепыхнулось. Нескоро мне удастся восполнить отобранное у мага.

– И ты молчала?! – вскочил на ноги волшебник. – Лика, дай только выбраться, и я сделаю из тебя отбивную!

– Сделай, – не стала спорить я. – Сядь, Рейнеке, есть вещи, которые не доверишь даже дочери ветров.

– Иными словами, магию я верну себя сам, – понял волшебник и послушно опустился на землю рядом со мной. – Что от меня требуется?

– Сначала – клятва. Обещай мне: ты вернёшь мне то, что я тебе дам, едва я об этом попрошу.

– Клянусь, – ответил маг, и я протянула ему рукоятью вперёд нож ветров.

– Проведи поперёк моих ударов, маг, и ты разрушишь запруду, – проговорила я. – Но будь осторожен: в твои руки вольётся больше волшебства, чем ты привык. Это вскоре пройдёт, не полагайся на новую силу.

Пока Рейнеке, закусив губу, выполнял мои указания, я мысленно оплакивала свою потерю. Отобрав у волшебника его магию, я могла рассчитывать вернуться в воздух ещё до исхода лета, а теперь... и нож ветров не та вещь, которой могут касаться руки смертных. Одна из нас, говорят, доверила оружие человеку, он не вернул – и она осталась жить с ним как его жена. Говорят, она и после смерти мужа не сможет освободиться. Но даже если смертный не нарушит клятвы... Его прикосновение всё равно останется со мной навсегда. Не стоило мне пить настой на семи травах тогда, на постоялом дворе...

– Поразительно! – воскликнул Рейнеке, честно возвращая мне нож. Я взялась за рукоять, и стриж обиженно щёлкнул клювом. – Мне кажется, я своими руками могу разобрать мир по брёвнышку.

– Начни с заколдованного круга, – предложила я, протягивая человеку гитару. – Эльфам стоило забрать скорее её, но музыка для них так же священна, как для вас – оружие.

– Ты хочешь, чтобы я песней разрушил эльфийские чары? – изумился маг.

– А чем ещё ты собрался бороться? – удивилась в свою очередь я. – Эльфы – сама жизнь этого мира, на них не действуют ни травы, ни заклинания, ни волшебные знаки. Между собой они соревнуются в музыке и во владении оружием, причём музыка намного важнее. Пой, Рейнеке, и ты вернёшь себе свободу.

– Сборище полоумных, – буркнул маг и коснулся струн.

В музыку гитары вплеталась магия, заглушая далёкое пение арфы. Эльфы сдались без борьбы, слишком мало они верили в людей, чтобы теперь отказаться послушать и понять, как далеко простираются способности смертных. А потом Рейнеке запел, и песня его, плавная и резкая, мелодичная и неправильная, с неясными переборами, брала за сердце, пьянила точно так же, как тогда, осенью. Пьянила и усыпляла. Зря он назвал себя никудышным магом...

Тёмным пламенем дышит лес,
Ярым пламенем.
Сколько в мире ни есть чудес,
В храме каменном

В час осенний и в волчий час
Всех дивнее див,
Всех прекраснее без прикрас,
Будто древний миф,

Спит огонь, разгоняя тьму,
Душный морок зла.
Спи и ты, глядя на игру
Языков костра.

Твой усталость угасит взор,
Будто ночь искру.
И погладит, оставив спор,
Лапкой по виску

Собеседник извечный наш:
Тень земных страстей.
Воздух душен, и воздух вла-
Жен, и нет вестей

До утра, что могли бы сон
Потревожить твой.
Чуть поскрипывает крыльцо,
Дремлет век хромой.

Маг ненадолго умолк, и в воздухе плыли нежные переборы струн. Ветра не доносили до меня ни единого звука, кроме этой музыки: спал лес, спали птицы, спали звери и даже ночные бабочки уснули, сложив тусклые крылышки. Умолкли кузнечики, до того стрекотавшие в траве, и меня саму клонило в сон так, что я едва могла разомкнуть тяжёлые веки. А потом Рейнеке запел снова, и сон слетел с меня как подхваченная ветром листва. Чёрный волшебник пел о том, что сильфам всего дороже – о свободе и странствиях. Бесконечных странствиях по свету.

Я же ветром покину дом
До игры зарниц.
И дорогой, и колесом
Из скрипучих спиц

Обернусь посреди грозы,
В ливня серебре.
Стану листьями, что рассы-
Паны по земле.

Шаг неслышен и голос тих,
Только скор исход.
И в объятиях золотых
От любых невзгод

Перезвоном истаю струн,
Песнею скворца.
Пока крепок твой сон и юн,
Ухожу с крыльца².

Круг вспыхнул и погас: разрушились чары. Я всхлипнула, и маг повернулся ко мне.
– Лика? – удивился он. Голос Рейнеке был как будто чужой, словно это он проснулся ото сна, а не погрузил в него всех эльфов в округе. – Ты плачешь?
– Н-н-нет, сын земли, – выдавила я. – Не плачу... Но ты... Я никогда не видела такого волшебства, такой музыки...
– Музыку нужно слушать, а не смотреть, – серьёзно возразил смертный. Аккуратно убрал гитару в мешок и, поднявшись, протянул мне руку. – Идём, Лика, эльфы скоро проснутся. Я чувствую, как рвутся узы.
– Иди, – отозвалась я, не двигаясь с места.
– А ты? – не понял смертный. – Решила остаться? Эльфов подождать? Глупая!
– Зачем я тебе, сын земли? – настороженно спросила я.
– Не знаю, – откровенно усмехнулся Рейнеке. – Но если ты не пойдёшь со мной, я унесу тебя силой. Ну?
– Уговорил, сын земли, – засмеялась я и поднялась на ноги. Если бы он попробовал только пальцем меня тронуть против моей воли, ветра разбудили бы добрый народ, и человека расстреляли из луков, но говорить об этом не хотелось. – Идём, эльфы и в самом деле скоро проснутся.

² Стихи А. Садовникова.

Глава четвёртая. Русалки

– Зачем ты меня с собой позвал? – спросила я, когда мы вернулись на перекрёсток пяти дорог и свернули на среднюю из них.

– Я тебя ещё не разгадал, – спокойно ответил маг. – А ты хотела остаться? Неужели эльфы не наказали бы тебя за твоё участие в моём побеге?

Я грустно улыбнулась. Волшебник слишком многого не понимал в добром народе... и у меня не было особого желания ему всё разжёвывать. Поэтому я сказала коротко:

– Эльфы не сердятся, когда человек поступает так, как для него лучше всего. Добрый народец не мстит, а только воздаёт по заслугам.

– И как они оценят мои чары? – ухмыльнулся смертный.

– Как величайший подарок, – удивилась вопросу я. – Разве ты сам не видел? Они были прекрасны!

– Вот как, – потянул Рейнеке. – А если я бы создал злые чары?

– Разве злые чары бывают прекрасными? – вопросом ответила я. – Ты неверно о них судишь, напрасно приписываешь красоту – или злобу.

– Чудно ты всё-таки говоришь, – буркнул маг. – Теперь я и сам вижу, насколько ты не человек.

– А я никогда и не говорила, будто я дочь земли, – подтвердила я.

– Ты дочь воздуха? – спросил волшебник и, остановившись, повернулся ко мне. – Сильф?

Я молча склонила голову. Вот потому-то нам и не советуют беседовать с людьми о чём-то, кроме прямых сделок. Наша чуждость кричит о себе во весь голос, и достаточно нескольких фраз и немного внимательности...

– Вот почему... – проговорил волшебник и коснулся пряди моих волос. – Ты хочешь вернуться в воздух?

– Хочу, – подтвердила я. – Но смертный не может мне помочь, на это способны только эльфы. Они качнут весы судьбы, и я смогу снова стать собой, отбросив это уродливое тяжёлое тело.

– Уродливое?! – возмутился Рейнеке. – Тяжёлое?! Девочка, ты знаешь, что легка как пушинка и прекрасна как солнечный день? Неужели у тебя нет глаз, чтобы увидеть собственную красоту?

– Спасибо за твою лесть, сын земли, – засмеялась я. – Но это слова смертного, не сильфа. Вот если бы ты мог увидеть меня прежде... Воздушная, прозрачная, я летала, обгоняя ветер, и по воздуху плыли мои волосы – белые, как самое чистое в мире облако, а когда я их расчёсывала, поднимался ураган... Вот было время! А сейчас?!

– А сейчас ты человек, – мягко заметил Рейнеке. – Может, для сильфа ты и тяжеловата, но, поверь мне, ты и сейчас кажешься легче пушинки. Я мог бы нести тебя весь день на руках и даже не запыхаться.

– Будь я сильфом, ты не смог бы даже обнять меня – я просочилась бы между пальцев, выскользнула бы из сомкнутых рук, – возразила я.

– Ты хочешь, чтобы я радовался этому? – уточнил смертный, и я засмеялась.

– Учти, я не игрушка для людей, Рейнеке-маг. И не букашка, которую ты будешь рассматривать сквозь увеличивающие стёкла, чтобы понять, как я устроена.

– Учту... дочь ветра. Но ты ведь не откажешься ответить на мои вопросы?

– Не откажусь выслушать – это честнее, – уточнила я. – Спрашивай, сын земли, до сих пор ты всегда задавал нужные вопросы, на которые я ответила бы даже перед лицом смерти.

– До этого дело, надеюсь, не дойдёт, – пробормотал человек, поправляя гитару. – Лика, скажи, как эльфы вернули тебя в воздух в прошлый раз? Что они сделали такого, чего человек не может повторить?

Воспоминания заставили меня поёжиться, как будто ветра внезапно сделались злыми.

– Они... не знаю, как это объяснить. Эльфы взяли весы моей судьбы и положили на одну из чаш мою клятву. Другая взлетела вверх, и мне сказали, что я могу подняться в воздух и остаться там, если выполню обещание. Они не сказали, что, став сильфом, я сделаюсь ещё безопаснее прежнего, и что день ото дня моя клятва будет становиться всё более легковесной, пока весы не качнутся обратно, и я не вернусь в смертный облик. Видишь ли, Рейнеке, сильфы – это магия, разлитая в воздухе, а вы, люди, берёте слишком много волшебства взаймы из окружающего мира и не умеете возвращать. Вот мы и теряем свою природу, и падаем на землю... И должны долго, очень долго возвращать утраченное. А я не захотела ждать. И была наказана.

– А в чём твоё наказание? – не понял меня смертный. – В том, что эльфы забрали свой дар, когда ты не выполнила их условие?

– Нет, Рейнеке-маг, это справедливо. Наказание – в той плате, которую они попросили. Думаешь, легко предателю взлететь? Я очень долго теперь не поднимусь в воздух.

– А как ты вернулась в прошлый раз? – не отставал волшебник. – Или ты рассталась со смертным телом сразу же, как добрый народ качнул весы?

– Нет, – покачала головой я и снова поёжилась. – Эльфы всего лишь подтолкнули...

Умолкнув, я поплотнее закуталась в плащ, зачем-то оглянулась по сторонам и призналась:

– Я прыгнула с обрыва и разбилась о камни.

– Что?! – возмутился маг, и я, встав на цыпочки, приложила палец к его губам.

– Не кричи, Рейнеке-маг, не надо. Сильф, став смертным, может умереть навсегда, а может вернуться в воздух после гибели тела. Добрый народ обещал, что я не умру, и я прыгнула со скалы. И они ведь сдержали своё слово!

– И как оно прошло? – неожиданно злым голосом спросил человек.

– Не спрашивай! – не выдержала я. На меня нахлынула пережитая боль. – Это было ужасно, и тело оставалось таким тяжёлым, и земля так неумолимо меня тащила к себе! Я уж думала, что эльфы меня обманули, а потом... удар, и...

Всплеснув руками, я закрыла лицо, и уже не увидела, а только почувствовала, как маг прижал меня к себе.

– Бедная девочка, – только и вымолвил он – словами, но его голос и руки сказали мне гораздо больше.

– Но эльфы сдержали слово, – горячо заговорила я. – Моё смертное тело рассыпалось в прах и разлетелось по ветру, а я взлетела в воздух и вернулась к родным.

– Попадись они мне... – процедил сквозь зубы волшебник. – Неужто нельзя было найти другой способ?

– Какой? – удивилась я. – Эльфы не хотели меня убивать, ведь это страшный грех – убить сильфа. Даже если он в человеческом облике. Что им оставалось делать?

Человек прорычал что-то невнятное и крепче прижал меня к себе.

– Уже потом, – поспешила продолжить рассказ я, – когда весы качнулись обратно, прах, которым стало моё тело, стал налипать на меня и тянуть вниз, к земле. Счастье, что это происходило постепенно, а не то я могла бы упасть с большой высоты и разбиться уже навсегда. Ветра принесли мне пряностей и привели к другим таким, как я. Те объяснили мне, как жить среди людей, не привлекая к себе внимания.

– Другим таким как ты? – задумчиво повторил волшебник. – Значит, дети ветров на самом деле упавшие из воздуха сильфы?

Высвободившись, я прижала руку ко рту человека и умоляюще заглянула ему в глаза.

– Сын земли, ты должен обещать мне, что сохранишь мои слова в тайне.

Волшебник взял мою руку в свою, повернул и поднёс к губам тыльной стороной.

– Я ничего не собираюсь обещать тебе, дочь ветров, – ответил он. – Но я не дам тебя в обиду, не причиню вреда и твоим родным.

– Смотри же... если обманешь...

– Ты хочешь есть? – спросил меня человек на исходе первой дневной стражи. Проспав перед тем весь день в заколдованном кругу, мы шли всю ночь куда глаза глядят, и вот теперь впереди показалась сторожевая застава, при которой наверняка можно встретить лоточника с горячими пирогами или ещё какой-нибудь едой в таком духе.

– Наверное, – неуверенно отозвалась я. – Но больше я хочу отдохнуть. Я не привыкла столько ходить на ногах. Всё-таки тяжело зовёт к себе земля, воздух не так суров.

– Как же ты раньше странствовала, бедная девочка? – поразился волшебник.

– Не торопись, – пожал плечами я. – Отдыхала, находила ручьи и мыла в них ноги. Вода смывает усталость, а если уж попросить русалок о помощи...

– Русалок?! – вскинулся маг. – И ты знаешь, как найти их? И можешь поговорить с ними?!

– Знаю. Могу, – подтвердила я. – Но смотри, смертный, не жалуйся, будто тебя не предупредили.

Волшебник, конечно, не обратил на моё предупреждение никакого внимания.

– Вот, – кивнула я на ручей, возле которого мы присели – отдохнуть и съесть купленные на заставе пироги. – Здесь живут русалки.

– И ты можешь позвать их? – жадно спросил смертный.

– Зачем их звать? – удивилась я. – Мы пришли, и этого достаточно.

– Так они нам покажутся? – не унимался волшебник.

– Ночью, – пояснила я. – Днём русалки не видны даже эльфам, растворены в воде, и поют, вплетая голоса в песню ручья.

– А сейчас они поют? – уточнил маг.

– Сколько вопросов, смертный! – засмеялась я. – Ты сам не слышишь?

– Нет, – покачал головой Рейнеке.

– Это потому, что ты говоришь, – назидательно объяснила я. – Замолчи, сядь на землю, склони ухо к воде и прислушайся.

– Но я ничего не слышу, – заявил человек, едва выполнив мои указания.

– Плохо слушаешь, – отмахнулась я, принимаясь за принесённый с собой пирог. Пожалуй, я действительно успела проголодаться. Счастье, что эльфы усыпили нас всего на один день – с них стало бы и на семь лет задержать, и ничего не заметить.

Доев пирог (маг так и прислушивался, не глядя на еду), я достала из-за пазухи дудочку. Отломила тростинку, вставила её в широкий конец дудочки, а свободный конец тростинки опустила в воду. И подула, заставив воду ручья забулькать. Ручей на миг стих. А после разразился серебрястой трелью-журчанием.

– Их тут три, – сказала я, повернувшись к магу и снова подула в ручей. – Я попросила разрешения погостить у них и кинуть крошки в воду, для рыбок.

– Крошки? – спохватился волшебник. – Лика!

– Да, сын земли? – безмятежно отозвалась я, догадываясь, что именно возмутило волшебника.

– Ты съела всё, что мы принесли!

– Разумеется, всё, – согласилась я. – Мне хотелось есть.

– А я?! – рассердился волшебник.

– А у тебя, сын земли, в мешке припрятана копчённая грудинка и ломоть хлеба, – пояснила я. – Их давно пора доесть, а не ждать, пока еда испортится.

– И как только узнала, – проворчал разоблачённый волшебник и полез в мешок доставать свои припасы. Из воды донёлся явственный смех.

– Ветер нашептал, – улыбнулась я и снова забулькала. Маг неожиданно вздрогнул и развернулся ко мне.

– Ветер нашептал... Лика, послушай, ты сейчас, что, разговариваешь с русалками?

– Про твои припасы мне не они рассказали, – заверила я, но волшебник отмахнулся.

– Я не о том. Ну, разговариваешь?

– Разумеется, – отозвалась я и снова подула в дудочку. Вода ответила. – Русалки не слышат того, что происходит в воздухе, да и человеческий язык понимают с трудом.

– А ты их язык понимаешь? – жадно спросил смертный.

– Понимаю, – признала я. – Сейчас, например, они просят тебя остаться до темноты и потанцевать с ними.

– Они сами об этом заговорили? – восхитился маг.

– Ну, да, – подтвердила я, весьма удивлённая восторгом Рейнеке. – Русалки обожают танцевать, и счастливы, когда находится с кем. Так что им передать?

– Передай, что я буду счастлив принять их приглашение! – потребовал волшебник. Я просвистела его ответ в дудочку, а после, отложив её, повернулась к магу.

– Ты дурак, сын земли.

– Это ещё почему? – насторожился смертный.

– Потому, что жизнь тебя ничему не учит. Неужели ты не слышал о русалочьих плясках?

– Нет, – встревожился Рейнеке, однако по его глазам я поняла, что человек и сейчас по-настоящему не испугался.

– Может быть, ты принёс с собой ленты? Гребень? Зеркало? Сын земли, ты подумал, чем будешь выкупать свою жизнь?!

– Ясно, – спокойно ответил человек и, оперевшись спиной о ближайшее дерево, вытянул ноги. Вся поза его выражала полную расслабленность и беззаботность. – Ты снова завела меня в ловушку, не так ли?

– Я предупреждала тебя, – начала было я, но маг остановил мои возражения, подняв руку.

– Это всё неважно, Лика, дочь ветров. Лучше расскажи мне про обычаи русалок.

– А что тут рассказывать? Они дети воды, они появились из слёз создателя мира, как сильфы появились из вздоха, а эльфы – из смеха. Летом они выходят из воды по ночам и до одури пляшут на берегах своих жилищ – ручьёв, рек, озёр... Каждый смертный, который окажется здесь, будет затанцован до смерти, если только не откупится подарком. Они ужасно тщеславны и рады любой безделке. Правда, девушек они могут отпустить за честное слово, но горе той, которая не вернётся с обещанным! Но мужчине они не поверят, тут даже надеяться не на что.

– Так, может, мне сбегать на заставу за лентами? – уточнил маг. – Вряд ли, конечно, они есть у сторожей, но вдруг... Или я могу успеть вырезать гребень до вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.